

ГЕННАДИЙ ДЕМАРЁВ

НАКАНУНЕ ВВЕЩЕНИЯ БУДА

Геннадий Демарев

Накануне страшного суда

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20615237
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

В отличие от большинства мастеров ужаса, автор не использует дешёвых спецэффектов, не испытывает терпение читателя, нагромождая повесть громами и молниями. В книге всё по-настоящему: жертвоприношение, подготовка к пришествию Антихриста, взаимоотношения обыкновенных людей. На каком-то этапе что-то пошло "не так" – и тот, который должен был стать во главе планеты, тот, кого готовили к величайшей миссии, расторгает отношения с Дьяволом, превращаясь в самого яростного его врага. Общая суть произведения может быть выражена в словах: "Где было Добро, когда со Злом боролось зло?.."

Содержание

Вместо предисловия	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Геннадий Демарёв

Накануне страшного суда

«... Человек будущего, который избавит нас от прежнего идеала, точно также, как от того, что должно было вырасти из него, этот полуденный удар колокола, удар великого решения, который вновь освободит волю, который вернёт земле её цель, а человеку – его надежду, этот противник христианства, этот победитель бога и ничего, – он должен некогда явиться...»

Ф. Ницше. Генеалогия морали

Вместо предисловия

Говорят, будто всякая душа должна прожить во плоти определённый срок, а участь всякого существа строго predetermined высшей силой. Человек бессилён каким-либо образом изменять свою судьбу; он вынужден удовлетворяться скромной ролью её исполнителя. Однако, один лишь человек, в отличие от остальных существ, наделён волей и разумом, поэтому волен как следовать греховным соблазнам плоти, так и противиться им. На высших уровнях бытия ценится именно степень нашего сопротивления греху, а не мифические врожденные или приобретённые «добропорядочность» и «праведность». Ибо всякий рождённый от плоти есть часть вселенского греха, поэтому уже в силу одной этой причины не может обладать чистотой. А чистота – один из признаков высшей праведности. Итак, каждый из нас, пребывая на земле, несёт свой крест, сам о том не подозревая. Кое-кто падает под этой ношей, иные же изо всех сил норовят взвалить её на плечи других. Возможно ли подобное на мистических уровнях? – удивится читатель, и вполне закономерно, поскольку догматика наших земных религий отвечает на сей вопрос однозначно отрицательно.

Следуя порывам тщеславия, человек вторгается в область запретных знаний, причём бесцеремонно и самоуверенно; он не может видеть, сколь многие сферы нарушает, тем са-

мым усугубляя, увеличивая, утяжеляя Грех. Крупицы от пирога вселенской мудрости, которое наше тщеславие наглým образом пытается отгрызть, не способны поместиться в человеческом, плотском сознании, из-за чего превращаются в грозное оружие, обращаемое разнообразными магами, волхвами и прочими против себя и ближних. Учитывая сие, древние не зря строго запрещали всякие занятия чародейством, ибо посредством его человек способен творить лишь зло, — если не в настоящем или будущем, то в прошлом. Оттуда оно бумерангом, брошенным неумелой рукой дилетанта, возвращается к нам, неся в себе заряд не только метателя, но и всех плоскостей, времён и сущностей, сквозь которые прошло.

Нам это известно. Но извечная жажда возвышения над себе подобными неизменно влечёт обывателей к гадалкам, ведьмам, астрологам, которые живут по тем же хищническим законам, что и остальные. О, Зло! Вероятно, ты существуешь лишь благодаря человеку. Именно человек тебя порождает, именно в нём заключён тот Дьявол, которого он сам же страшится. Потому человеку следовало бы опасаться собственного отражения в зеркале Вечности...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Как всё начиналось...

ГЛАВА 1

Родовое поместье графини Аллилуевой представляло собой громадное сооружение в виде буквы «П», до половины утопающее в буйных неухоженных зарослях яблонь, груш, слив, черёмухи и других деревьев. В летнее время, особенно в пору цветения, всё это издавало неопишущий аромат, вдохнув который, можно было невольно представить себя на месте Адама, прогуливающегося по Эдему. Море разнообразнейших цветов всевозможных окрасок просились бы в ваши руки, предлагая каждый по-своему особенности своего опьяняющего воздействия, выгодно подчёркиваемого пением птиц. Всё это мягко скрывало древность сооружения, о которой явственно свидетельствовала обсыпавшаяся штукатурка со стен и отсутствие черепицы на некоторых участках крыши. Редкие гости не обращали внимания на стены по той простой причине, что оных не было видно из-за диких зарослей бузины, пустившей корни у самого фундамента, оспаривая жизненное пространство у не менее буйно растущего винограда, плотная живая масса которого надёжной хваткой

охватила стены до самой кровли, или, точнее сказать, до дымовых труб.

Однако в зимнее время имение представляло собою довольно невзрачное, или, выражаясь более точно, угнетающее зрелище: сквозь голые заиндевевшие стебли зияла бесстыдно оголённая каменная кладка, словно пытаясь подтвердить древнюю, как мир, мудрость о суетности творения рук человеческих. Птицы и ароматы теперь напрочь отсутствовали; вместо них самым наглым образом продирали ноздри холодно-умертвляющий запах зимы, а уши готовы были встать дыбом вместе с волосами от жуткого воя февральской вьюги.

Невзирая на это довольно нелестное для особняка описание, нельзя категорически отвергать наличие в нём признаков жизни, – хотя бы по той причине, что в любое время года здесь жила прислуга, состоящая из двух горничных, камердинерши, садовника и привратника. Горничные состояли в штате владелицы без малого лет двадцать; это были изрядно перезревшие девицы, возраст которых вошёл в лицемерную поговорку, из которой следует, что в сорок пять баба ягодка опять. Жители сёл, прилегающих к имению, знали их под именами Шарлотта и Катрин, что отнюдь не указывало на иностранное происхождение почтенных девиц. В действительности это были самые обыкновенные русские девки, которых графиня подобрала в одной из петербургских забегаловок, чем принесла им неожиданное спасение как раз в тот день, когда государственная машина правосудия готова

была занести над ними свою карающую десницу из-за обвинения в колдовстве. Об этом вопиющем факте их биографий знали лишь сама графиня и виновницы, что способствовало их цветущему бытию в довольно тихой деревне, затерявшейся в самом сердце Подолии.

Камердинерша госпожи Аллилуевой выделялась, прежде всего крепостью сложения, несколько неестественной для женщины пяти десятков лет отроду. Представьте себе природное творение ростом в два метра с шириной плеч не менее восьмидесяти сантиметров, при этом ширина зада составляла ровно метр. Какой-нибудь художник мог бы без зазрения совести сравнить её фигуру с гитарой, бюст – с двумя церковными куполами, а походку, как ни странно, с плавным движением лебедя по водной глади. Опытный медик или естествоиспытатель, внимательно созерцая сие чудо природного гения, мог бы с уверенностью предположить наличие у данного объекта солидного аппетита и оказался бы прав, ибо мадемуазель Эжени во время обеда с лёгкостью поглощала две средние нормы, рассчитанные для людей физических профессий. И, тем не менее, Эжени, чей внешний облик удивительно сохранял всю прелесть невинности, сочетавшуюся с опытностью бывалой куртизанки, отличалась завидным здоровьем, изошрённым умом и поразительным голосом, который на языке оперных певцов называется колоратурным сопрано.

Что касается привратника Антипа – это был ничем осо-

бо не выдающийся старик, родовые корни которого уходили глубоко в древность и могли бы многое поведать о процессе эволюции типичных сельских пьяниц. Когда его упрекали в пристрастии к «зелёному змию», он возмущался, отвечая:

– А что в этом плохого? Мой отец пил, служа привратником в этом имении, а перед ним точно также жил мой дед, а перед дедом – прадед...

Как бы там ни было, свои нехитрые обязанности старик исполнял старательно, – во всяком случае, ровно настолько, чтобы никому не пришло в голову жаловаться.

Остаётся сказать несколько слов о садовнике Мюллере. Он представлял собой типичный образчик баварца – среднего роста, упитанного, молчаливого и скупого. Если у него возникала необходимость общения с представителями надоедливого и болтливового человеческого стада, он ограничивался фразой, состоящей из двух-трёх слов, звучащей, словно выстрел, на ужасном суррогате русского, немецкого и украинского языков.

В безлунные ночи, как сказывали местные жители, некоторым из них приходилось слышать загадочное завывание, напоминающее собачье, исходящее как будто из-под земли; конечно, буйная фантазия человеческая спешила увязать эти неестественные звуки с мрачной личностью садовника.

После того, как мы удовлетворили ваше любопытство касательно прислуги, позволим себе сказать несколько слов о самой хозяйке. Её сиятельство вела праздный образ жизни,

проводя её в бесконечных и, казалось бы, бесцельных путешествиях, как будто нарочно пытаясь породить о себе разнообразные слухи и просаживать состояние, в течение столетий накопленное её неисчислимыми предками, имевшее притязание считаться огромным, – по крайней мере, в фантазиях немногих знакомых. Глядя на белую эластичную кожу изящных ручек госпожи Елены, как её называл Мюллер, на нежный, почти девический румянец её лица, невозможно было представить себе даже в самых смелых фантазиях, что эта женщина может оказаться значительно старше, нежели выглядит. Томные бархатистые чёрные глаза, обрамлённые длиннющими ресницами, кокетливо выющиеся за ушками кудряшки, грациозные движения, походка, стройность, нежный голосок – всё это было не более, чем десятая часть её прелестей. Наличие при всём этом удивительно тонкой талии да ещё высокого и соблазнительного бюста привлекало к ней в былые времена превеликое множество воздыхателей, стремящихся прилипнуть к этому цветку, словно мухи к свеженькой куче навоза. Чего греха таить: молодая красавица, всесторонне одарённая, родители которой благополучно скончались ещё в то время, когда она находилась в нежном младенческом возрасте, Елена считалась одной из самых завидных и состоятельных невест Российской империи, и обладание свидетельством о браке с ней сулило бы претендентам самые разносторонние выгоды. Среди огромных толп женихов, безжалостно истаптывающих в те времена окрест-

ные поля и леса, среди разнорядного сброда нередко попадались и более или менее примечательные претенденты. Среди таковых были некий герцог из Бирмингема, принц из Лотарингии, один из сыновей российского императора – люди, собственность которых превосходила размеры богатства невесты ровно настолько, чтобы никому не пришло в голову упрекать их в поиске материальной выгоды. Впрочем, каждому, независимо от родовитости, состоятельности, красоты и прочих данных, Елена отвечала категорическим отказом:

– Нет, и всё тут! – не утруждаясь подкреплять сие резкое словечко какими-либо вразумительными объяснениями.

Такое положение продолжалось лет пять – от шестнадцати до двадцати с мелочью годов, – после чего юная невеста внезапно исчезла. В обширном стаде женихов это привело к серии самоубийств, порождённых слухом о тайном бегстве Аллилуевой с одним из воздыхателей, запозвзатым прохвостом бароном N. Странное дело: едва до имения графини доходил слух о смерти того или иного обладателя разбитого сердца, прислуга тотчас же получала неизвестно каким образом письменное распоряжение о том, чтобы тело такого-то или такого-то предать земле в черте имения. Для этой цели Елена выделила довольно обширный участок земли размером с десятину. Вскоре вся эта площадь была целиком занята надгробиями, аккуратно увенчанными замысловатыми эпитафиями, свидетельствующими о том, что истинной причиной смерти незадачливых покойников послужила

любовь. Между тем, злосчастная невеста продолжала пропадать невесть где. Её отвергнутые эльфы, проливая моря слёз по утраченному призраку счастья, уверенно сходили в мир иной, а посему молва, – эта жестокая и подленькая богиня, равнодушная к любовным страданиям и трагедиям, – обратила всю свою злобу по адресу виновницы стольких смертей. Судачили, будто молодая графиня сбежала во Францию, предпочтя пение в опере замужеству, скрываясь под романтическим псевдонимом. Люди поглупее склонялись к мнению, что Елена вышла замуж за самого Дьявола, и сделала это ещё прежде, чем достигла совершеннолетия, поэтому враг рода человеческого привёл всех воздыхателей к порогу смерти из ревности. Поскольку сознание толпы склонно увлекаться всем чудесным, – а в данном случае элемент чуда был порождён глупостью, – большинство поверили второму варианту. С тех пор шикарный дворец в виде буквы «П» обходился народом десятой дорогой, вследствие чего опытные строители никоим образом не желали приближаться к нему, невзирая на то, что за ремонтные работы им было обещано баснословное, по тем временам, жалованье. Это произошло в первое отсутствие графини – примерно в 1830 или 1831 году, то есть лет за тридцать пять до того момента, с которого мы изволили начать сие повествование. В тот же период пропала старая прислуга, за исключением пресловутого деда Антипа. Спустя лет пять или шесть владелица вернулась. Слух о её возвращении распространился по окрестно-

стям заранее, что позволило всякому любопытному выйти на дорогу и бесстыдно глазеть на великолепную карету, которую резво несла шестерка чѐрных, как смоль, жеребцов; в ней горделиво восседала прелестная женщина лет двадцати пяти или шести. Публика (состоящая из крепостных, церковных и государственных крестьян, мещан и ремесленников всякого пошиба, нескольких купеческих семейств и дворян, имения которых находились по соседству) вместо того, чтобы остановить ту, которую всякий обвинял в связи с нечистым, опрокинуть карету и расправиться с наглой искусительницей, самоуверенно взирающей на окружающих сатанински прекрасными и оттого страшными глазами, – так вот, все эти людишки, словно по команде, сами не отдавая себе отчѐт в причинах такого поступка, вдруг склонили перед бесстыдницей головы, выражая таким образом уважение к ней и всецелую преданность. Вскоре карета благополучно скрылась за воротами дворца, которые незамедлительно были заперты. Честные граждане, словно опомнившись после потрясения, в течение некоторого времени взирали друг на друга, пытаясь понять, что же могло помешать желанной расправе.

– Свят, свят, свят!.. – растерянно пробормотал приходской священник, накануне готовый утопить эту непонятную особу своими руками, но теперь обнаруживший непостижимую потребность служить ей верой и правдой. Уже в самой этой резкой перемене заключалось некое мистическое вме-

шательство вражьей силы, чужой мощной воли, и только за это следовало обвинить красавицу в колдовстве. А сама красота её – чем не происки Сатаны? В течение жизни всякий из мужиков имел возможность встречать красивых женщин в пору их расцвета, но к двадцати шести годам любая из них успевает растерять часть своей привлекательности. Семья, заботы, дети... А эта бесстыдница, кажется, стала ещё очаровательнее и чувствовалось, что сия красота ещё не достигла своего расцвета. Елене завидовали женщины, всей своей сущностью предчувствуя беды, ей завидовали дети, сожалевавшие о том, что их мамы значительно уступают этой волшебнице; ей, а точнее, её возможному любовнику, даже если это сам Дьявол, завидовали мужчины, искренне сожалевавшие о том, что они не небожители, ибо только боги имеют право добиваться благосклонности этой феи. Однако, всякий задавался закономерным вопросом: «Где пропадала графиня в течение столь внушительного отрезка времени?» Но, обладая правом задавать вопросы, далеко не всегда имеешь возможность получать на них ответы, в особенности исчерпывающие и правдивые...

Оказавшись во дворе своего родового гнезда, графиня осмотрелась по сторонам без всякого интереса или удивления, как это было бы свойственно всякому человеку, долгие годы пребывавшего в отсутствии, тем более, что в молодые годы всякая перемена для женщины особенно разительна. Напротив, её сиятельство окинула все достопримечательно-

сти привередливым взором хозяйки, словно ещё вчера здесь побывала. Любой посторонний наблюдатель, если бы такой находился рядом с Еленой, был бы поражён этим обстоятельством, но дед Антип, не принадлежащий к числу посторонних и знававший не только молодую госпожу, но и её предков, снисходительно улыбался, как человек, знающий слишком многое о вещах, которые не касаются тех, кто обитает вне пределов порученных ему врат. Выходя из кареты, Елена одарила старика благосклонной улыбкой, жестом приглашая следовать за собой. При всём этом не было произнесено ни единого слова, так что создавалось впечатление, будто два разновозрастных индивида понимают друг друга на подсознательном уровне, а мистическая взаимосвязь их существ превосходит степень взаимосвязи близнецов.

Минутой позже, когда оба вошли в будуар графини, – кстати, оформленный настолько изысканно и комфортно, насколько был запущен внешний вид дворца, – между ними состоялся краткий разговор, понятный только им и, быть может, Богу.

– Все идёт хорошо, – доложил старик без всяких предисловий и без присущей прислуге угодливости. – Вы устали?

– Нет, – улыбнулась Елена. – Ты ведь знаешь, что усталость меня не касается.

– Да, да, – кивнул он. – Только... ОНИ беспокоятся.

Улыбка тотчас же исчезла с лица женщины вместе с наигранной девственной наивностью. Теперь перед Антипом

явилось некое божество бури и грома, пронизывающее его до глубины души холодным взглядом.

– Что ИМ нужно?

– ОНИ хотят служить госпоже, которая ИХ пленила.

– И это всё?

– Это всё.

Из горла графини вырвался вздох облегчения.

– Если так, пусть ещё немного подождут. Я уезжаю сегодня вечером.

– Хорошо, госпожа.

После наступления живописного заката, когда в сумерках ещё возможно различить смутные силуэты, многие деревенские жители получили возможность наблюдать, как из ворот дворца медленно выкатилась знакомая карета. Люди видели, как она почти демонстративно проследовала по ухабистой дороге, разделяющей деревню на две части, а когда поравнялась со столбом, обозначающим границу селения, через весь небосвод вдруг сверкнула молния, в ослепительном блеске которой всё исчезло...

Следующий приезд Елены Аллилуевой состоялся спустя ещё пять лет. Она выглядела столь красивой и соблазнительной, что даже соловьи умолкали в её присутствии. Однако, если несколько лет назад всякий человек мог безоговорочно ахнуть и упасть перед ней на колени, называя её ангелом, сошедшим с небес, то нынче каждый чувствовал в облике этой распустившейся розы нечто демоническое и противное

естественному человеческому началу.

ГЛАВА 2

Проходили годы и десятилетия. Окружающий мир, люди и звери, подчиняясь естественному порядку вещей, изменялись и умирали, уступая черёд новому поколению. Большинство соседей, знавших Аллилуеву в пору её юности, отошли в мир иной, не забывая, впрочем, предостеречь живых от всяческих контактов с ней. Изменялся и сам дворец таинственной графини, в зимнюю пору походивший скорее на сказочный замок какого-нибудь мрачного колдуна, нежели на обитель незамужней красавицы; давно успела смениться прислуга, однако сама хозяйка продолжала выглядеть молодо, бодро и обольстительно, невзирая на то, что никто на сию красоту давно не зарился.

Тем не менее, нельзя утверждать категорически, что в те периоды, когда графиня достаивала родной дом своими посещениями, никто не достаивался чести быть приглашённым к ней в гости. В течение последних трёх лет окрестные селяне имели возможность лицезреть приезд гостей дважды, хотя лиц визитёров узреть не могли, поскольку те скрывались за плотными занавесками. Оба раза гостей было шесть, однако со двора было невозможно определить их присутствие во дворце: огни в окнах не зажигались, а лошади чужаков не издавали ни звука, словно их и не существовало. Впрочем, никому и в голову не пришло бы размышлять над

подобными вопросами, ибо население привыкло, что всё, что касается графини, для окружающих полное табу.

Условный момент, с которого мы изволили начать данное повествование, совпадает с тем днём, который означал вступление Аллилуевой в почтенный и нежный шестидесятилетний возраст. На дворе царил трескучий мороз, – вероятно, братец того самого мороза, который постарался в своё время погубить наполеоновскую армию, – да такой, что даже крепостные не отважились выйти на работу. Над избами причудливо парил туман исходящего от них драгоценного тепла, над крышами струился лёгкий дымок, импровизируя лестницу к небесам. В такой волчий холод даже волки не осмеливались представлять собою грозу лесов: они, съёжившись по-собачьи, одиноко бродили между крестьянскими лачугами, жадно принюхиваясь к запахам и жалобно поскуливая. Перед полуднем из ворот дворца выкатили сани, на которых горой восседал дед Антип. Его тело было завёрнуто в два тулупа, что отнюдь не способствовало ловкости. Старик съездил к мяснику, булочнику, запасся продуктами и со скрипом вернулся домой. В этот февральский день никто не испытывал желания даже высовываться на улицу, потому господские сани сопровождались сочувственными взглядами из крохотных окошек. Перед сумерками, наступившими после четырёх часов пополудни, вдоль улицы гуськом проскрипели шесть саней, вёзших неизвестно кого, и этим эпизодом завершилась дневная деревенская жизнь.

Оставим деревню с её проблемами затем, чтобы, в отличие от обывателей, набравшись смелости, проследовать за приездими. Вот шестёрки лошадей послушно остановились, подчиняясь беззвучным командам кучеров. Запутываясь в длинных полах овчинных тулупов и собольих шуб, из саней, не спеша, вылезают шестеро гостей; впрочем, их возраст, черты, как и пол, надёжно скрывались за масками и полумасками из чёрного бархата. Оставаясь каждый у своих саней, приезжие безмолвно устали в тёмные пятна окон дворца, который казался пустым и негостеприимным. Если бы нашему взору удалось проникнуть сквозь плотную завесу масок и вуалей, мы получили бы возможность обнаружить поразительную твёрдость в глазах каждого из этих людей. Эти глаза блестели чёрным пламенем некой мистической жажды, схожей с алчностью путника, следующего через пустыню, который впервые за многие недели учуял запах воды. Наконец, в одном из окон второго этажа едва заметно блеснул слабый огонёк, при виде которого ожидавшие издали вздох, в котором угадывались надежда и облегчение. В сгустившихся сумерках, которые вот-вот должны были преобразиться в мрак, мелькнуло движение, вслед за которым из-за двери прозвучал приказ, произнесённый тихим мужским голосом:

– Первый!

Ближайший от двери силуэт вздрогнул. Тулуп неуклюже сполз с его плеч, словно решил укутать собою ноги. Человек

сделал шаг к лестнице, состоящей из тринадцати ступеней.

– Я! – приглушённым голосом ответил он.

– Что ты здесь делаешь в эту морозную ночь? – спросили из-за двери казённым тоном, как будто человеку, произносящему эти слова, доставляло удовольствие принуждать мёрзнуть другого человека.

– Я прибыл сюда, чтобы встретить солнце, – ответил Первый.

Голос его обрёл мягкость и плавность; казалось, что его хозяину нипочём холод и мрак, усталость и столь необычный приём.

– Принёс ли ты жертву солнцу? – продолжался допрос.

– Да.

– А готов ли ты сам стать жертвой?

– Жертва есть искупление, но когда жертвой становится сам жрец – это искупление вдвойне. Потому я готов!

– В таком случае войди!

Дверь распахнулась, открывая перед Первым чёрную дыру, из которой веяло, казалось, всей жутью крошечной тьмы. Человек медленно, обнаруживая превосходную осанку, взошёл по ступеням и исчез в этой тёмной пасти. В тот же миг дверь снова заперлась, и вновь прозвучал неумолимый глас:

– Второй!

На фоне вечернего тёмно-синего снега мрачным пятном выделялись человеческие силуэты и несколько саней. От этого скопища отделилась чья-то фигура. Снова тулуп сполз

к ногам, вслед за чем последовал внешне бессмысленный, но исполненный какой-то мрачной тайны разговор. Но мы, не чувствуя себя обязанными к нему прислушиваться столь же внимательно, как к предыдущему, сливаемся с безобидным потоком свежего воздуха и, проявляя невиданные чудеса искусства разведки, проникаем сквозь узкую щель внутрь дворца. Главный вход оказывается позади нас, а впереди открывается просторная швейцарская комната, по левую сторону от которой раскинулся шикарный резной шкаф для верхней одежды и обуви, который смастерила чья-то искусная рука, вероятно, ещё во времена Северина Наливайко, Бориски Годунова или Василия Шуйского. Используя возможность доставить себе кратковременное удовольствие от осмотра шкафа, мы устремляемся дальше. Сам поток воздуха влечёт туда беспокойную душу. Вот повеяло приятным теплом, – значит, рядом находятся камин или печка. Нет, всё-таки источником тепла оказался камин, который расположился в большой гостиной, устроенной за швейцарской. Стены здесь были отделаны в стиле древневавилонских фресок: кругом пестрели устрашающие фигуры различных звероподобных божеств и иных персонажей восточных верований, – по крайней мере, так казалось на первый взгляд. Однако, присмотревшись внимательнее, мы убедились в несостоятельности сего впечатления. Единственное сходство с древневосточной росписью заключалось разве что в стиле выполнения. При более пристальном осмотре обнаружилось, что

настенные фигуры с известными науке мифическими персонажами не имеют ничего общего; они отличаются как строением, так и обликом и, наверняка, назначением. Слишком уж реально выглядят эти образы... В дальнем углу шестиугольной залы, удобно развалившись в кресле напротив широкого камина, напоминающего пасть ада из догматических изображений, слегка прикрыв веки, полулежала очень красивая молодая женщина, облачённая в замысловатое платье багрового оттенка. Длинные ресницы слегка вздрагивали на фоне нежно-белой кожи, из чего можно было заключить, что дама не спит, а если и спит, то сон её не крепкий и не гипнотический. Горячие красно-желтые блики, отбрасываемые от камина по всему помещению, создавали впечатление, будто мы находимся если не в неземном мире, то уж, по меньшей мере, в чертоге волшебницы, лицо которой в такие мгновения приобретало дьявольские очертания.

По углам гостиной были установлены факелы. Судя по подставкам, имевши вид человеческих черепов, напрашивалось мнение, что они предназначены для ритуалов. В самом центре комнаты находился чёрный шестигранный стол, рассчитанный на шестерых человек. У каждого угла стояли готовые к зажжению двенадцать свечей, а в самом центре находилась тринадцатая. При осмотре сего чертога мы невольно ощущаем движения предательских мурашек по спине, которая вдруг похолодела в миг, когда в наше сознание пришла мысль, что хозяйка и её гости собираются использовать стол

и свечи вовсе не для православных молитв или вкушения благочестивой трапезы в честь именинницы.

Почувствовав присутствие гостя, графиня открыла глаза, блестящие несколько хищным огнём, и грациозно повернула голову, увенчанную огромной причёской, состоящей из многочисленных кудряшек и завитушек, один лишь вид которых способен был возбудить всякого мужчину.

– Это вы? – полилось из уст женщины мелодичное журчанье.

– Да, милая графиня, – ответил вошедший, склоняясь над её рукой. – Я приехал затем, чтобы поздравить вас с днём рождения.

– Благодарю, – красивые, словно распускающийся бутон розы, уста одарили мужчину улыбкой, которую без зазрения совести можно было сравнить с восходящим солнцем, если бы её не омрачал непроницаемый мрак чёрных глаз. – Но вы, надеюсь, привезли с собой не только словесные поздравления?

– О, да! Конечно! Со мной прибыл и более осязаемый подарок, графиня. Но... всему своё время. Он перейдёт в ваши нежные ручки немного погодя.

– Это сюрприз, барон? – слегка нахмурила чело Елена.

– Не забывайте, дорогая Элен, что я – последняя ветвь великой фамилии де Моран, а это значит, что у нас в роду подарки всегда преподносятся в виде сюрпризов. Так что простите...

– Спасибо, Оливье, – кивнула Елена, одаривая гостя благосклонной улыбкой. – Извольте присесть за стол, а то сейчас войдёт второй гость.

Оливье поклонился столь изысканно, что даже сам Луи Бонапарт мог бы позавидовать графине; он поцеловал ей руку и занял место за одной из граней вышеописанного стола. Едва он уселся в резное кресло чёрного дерева, в тот же миг невидимая рука зажгла свечи, установленные по обе его руки. Однако барон де Моран несколько не удивился. Он мельком взглянул на графиню, которая, казалось, успела позабыть о нём, и обратил взор на дверь.

Спустя несколько мгновений вошёл старик невысокого роста, жесты и одеяние которого выдавали его высокое происхождение.

– А, это вы, граф Гогенштейн? – воскликнула Елена, протягивая навстречу вошедшему руку.

Тот сдержанно улыбнулся, затем прикоснулся губами к изящным пальчикам хозяйки.

– Весьма рад, госпожа, узреть вас в цветущем виде, – тихо промолвил граф.

– Благодарю, – ответила Аллилуева. – Знаете ли, Отто, что сегодня – день шести?

– Точнее, ночь, – кивнул граф. – Но у лестницы ждали вызова уже шестеро, если считать меня. Вы получаете седьмая.

– Да, мне доложили об этой странности. Скорее всего, кто-

то лишний пытается проникнуть в наши тайны.

– Смею надеяться, что всё выяснится до начала ритуала? – несколько дрогнувшим голосом воскликнул Гогенштейн.

– О, право, не стоит беспокоиться, граф, – улыбнулась Елена. – Присутствие чужака даже кстати, поскольку ритуал должен включать в себя жертвоприношение.

– Человеческое?! – удивился старик.

– Конечно.

– И вы можете говорить об этом так спокойно? Вижу, вы, Элен, сильно изменились за последние тридцать лет.

– Чем же я отличаюсь от той девицы, которая некогда просила у вас рецепт вечной молодости? – не без кокетства засмеялась Элен.

– О, графиня! – с сожалением ответил Отто. – В той Элен, которую мне пришлось знать в былые времена, не было столько жестокости и бессердечия.

– Фи, граф! Наверное, старость негативно влияет на человеческий рассудок. Что есть жестокость? Что есть бессердечность? Не будьте столь сентиментальны, ведь это слишком глупо! Мы постигаем сущее в надежде усовершенствовать его на высших духовных уровнях. Что значит жизнь какого-то ничтожного человечешки в сравнении с такими великими целями? Вам следует это понимать, поскольку вы считаетесь одним из старейших и величайших врачей нашего времени.

Но тот, повидавший в течение своей жизни многое, был

поражён не только ответом, но и тоном, каким он произносился. Он даже невольно отступил на шаг.

– Как вы можете? – пробормотал он. – Человеческая жизнь принадлежит Всевышнему и остаётся наиболее ценным из Его творений...

– Всевышнему? Ценным?.. – презрительно усмехнулась Элен. – Граф, похоже, вы действительно выжили из ума! Но пройдите покамест в следующую комнату, мы позже закончим этот разговор... Эх, а ещё вышепосвящённый!..

С этими словами она отвернулась от старика, лицо которого внезапно покрылось мертвенной бледностью.

– Но Элен!.. – воскликнул он, протягивая к ней руку.

Однако та в ответ лишь высокомерно взмахнула рукой. Граф опустил голову и шаркающей походкой удалился в следующую дверь. Его старческие подслеповатые глаза не сумели различить в феерии теней и бликов силуэт Оливье де Морана, восседавшего за столом, который молча наблюдал состоявшуюся размолвку. Он провожал фон Гогенштейна немигающим взглядом, выражающим предвкушение крови.

– Ты труп, Отто, – прошептал он, когда дверь за стариком плотно закрылась.

В этот момент у входа выросла третья фигура, сопровождаемая твёрдым окриком:

– Третий!

Это был мужчина очень высокого роста и плотного сложения. В глаза бросались его чёрные большущие глаза, свер-

кавшие нечеловеческим огнём, пышные усы и длинная лохматая борода. Лицо его отличалось смуглостью, непривычной для европейца, но одежда и жесты этого человека выдавали в нём уроженца Западного Средиземноморья.

Отыскав взглядом графиню, вошедший поклонился типично по-испански, словно перед ним находилась не женщина, а опасный противник, ожидавший дуэли, а сам он был не кавалером, а тореро накануне корриды.

– Моё почтение, сеньорита! – отчеканил он.

– Рада вас видеть, герцог Диего д, Авила! – не скрывая удовольствия, воскликнула Элен на родном языке гостя. – Как вам нравится русская зима?

– Как в Пиренеях, – почти невозмутимо ответил тот, переводя беззастенчиво скучающий взор на гобелены, которыми была украшена противоположная стена.

«Ах, какой типаж! – мысленно восхитилась графиня. – Настоящий Аякс... Оказаться бы в объятиях такого мужчины!...»

– Займите место за столом, – томным голоском произнесла она. – Там уже скучает гость из Франции.

Диего ещё раз одарил хозяйку поклоном и направился к столу. Спустя мгновение зажглись ещё две свечи...

– Четвёртый! – снова послышался резкий окрик.

В гостиную вошёл мужчина невысокого роста, толстый, лет пятидесяти. При каждом шаге его внушительное брюхо судорожно вздрагивало, словно кусок студня; лысина при-

давала ему то комическое выражение, благодаря которому простонародье называет подобных толстяков презрительным словом «курдупель». Некогда голубые глаза светились неприятной туманной белизной; в них можно было заметить алчность и себялюбие.

– Вы всё ещё голландский банкир? – не дожидаясь приветствия, обратилась к нему графиня.

Вероятно, человек страдал плохим зрением, ибо шаря прищуренными глазами по сторонам, он никак не мог отыскать хозяйку дома.

– Эй, минхеер Вангрубер! – окликнула Елена, приподнимаясь на локте. – Вы никак стареете?!

– О, ваше сиятельство! – виноватым тоном воскликнул голландец, заметив графиню.

Решительными шагами приблизившись к ней, он попытался опуститься на одно колено, однако предательское брюхо качнулось по линии наименьшего сопротивления, увлекая своего владельца в противоположную сторону. Послышался громкий булькающий звук, свидетельствующий о том, что почтенный минхеер не сумел сохранить равновесие. Раздалось беззастенчивое хихиканье: из-за стола на сию комедию взирали четверо любопытных глаз. Обескураженный и пристыженный Вангрубер, напрягая все силы, поднялся и бросил в сторону насмешников красноречивый взгляд, исполненный злобы.

– Не нервничайте, господин банкир, – повелительно про-

изнесла Елена. – Вы сами виноваты в том, что не сумели сохранить красоту и стройность.

– Вам легко такое говорить... – проворчал Вангрубер, но графиня прервала его:

– Я хотела оставаться юной всегда, потому сдержала обет девственности. Вы же никогда не ограничивали себя в удовольствиях, за что и превращены этими самыми удовольствиями в безобразного колобка. Обижайтесь на самого себя, ибо вы забыли, что избыток сладости рано или поздно порождает горечь во рту. А теперь займите своё место!

Секундой позже стол уже освещался шестью свечами, пламя которых отбрасывало мрачные тени на присутствующих и тёмные стены.

– Пятый! – послышалось из-за двери, и в следующий миг в зале появился стройный старец, облачённый в одеяния чёрного цвета. Длинная борода, длинный крючковатый нос, красивые чёрные глаза, обильные пейсы, – всё это явно свидетельствовало о его происхождении. Узнав его безо всякого труда, графиня поднялась с удобного ложа и приветствовала гостя сложным реверансом.

– Шолом алейхем, учитель!

Тот улыбнулся и привлек её к себе.

– Шолом тебе, ученица!

– Займём свои места! – нетерпеливо предложила Елена, указывая рукой в сторону стола. – Все в сборе, но среди нас есть некто чужой...

– Он всё ещё находится во дворе, – сказал еврей, окидывая взором присутствующих. – Но я не вижу Гогенштейна...

– Присаживайтесь, почтенный Асмодей бен Афоф, – предложила Елена. – Что касается графа, он, кажется, ослабел умом, верой и волей. Ему вдруг стало жалко людей, которых мы приносим в жертву.

– Вот как? – помрачнел раввин. – В таком случае, согласно законам нашего общества, следует принести в жертву его самого. Но в таком случае, нас станет слишком мало для свершения ритуала.

– Ничего, вместо выжившего из ума старика мы усадим за стол моего садовника, – рассудила графиня, обращаясь к еврею. – Ведь вы, конечно, помните Мюллера?

– Помню. Он достаточно мудр и верен. Но... он всего лишь слуга, а право сесть за стол имеет только вышепосвящённый... А пригласите-ка чужака, графиня. Посмотрим, что это за фрукт.

Аллилуева сама приблизилась к двери и окликнула:

– Шестой!

В зал вошёл молодой человек лет тридцати, статный, красивый, голубоглазый; его буйные кудри сверкали золотым оттенком. Он взирал на присутствующих благостным взглядом и улыбался самым обаятельным образом. Затем его взгляд перенёсся на хозяйку и улыбка сия ещё более потеплела.

– О, женщина! – воскликнул гость чистым голосом. – Ты

столь же прекрасна, как и твоя прародительница в тот момент, когда я вдохнул в неё жизнь!

Столь странные для обыкновенного человека слова заставили Елену присмотреться к гостю пристальнее, вследствие чего её лицо покрылось бледностью. Испустив слабый крик, она пошатнулась. Солнцеликий вмиг оказался рядом и, подхватив женщину на руки, дунул ей в лицо. Вероятно, его дыхание обладало магическими свойствами, о чём можно было судить по тому, что щёки Элен тотчас порозовели. Она обратила взор на лицо этого своеобразного целителя и не без благоговения прошептала:

– Как я люблю тебя, Ангел Света!

Тот продолжал улыбаться, любуясь чертами её лица.

Присутствующие вскочили со своих мест.

– О, великий Йалтабаоф! – воскликнул Асмодей бен Афоф. – Я узнал тебя! Господа, – обратился он к товарищам, – нас почтил своим визитом сам Самаэль...

– О, Дьявол! – воскликнули те, заметно бледнея и прижимая дрожащие руки к груди...

ГЛАВА 3

Ангел Света, оставив сияющую от радости графиню, занял свободное место за столом и, дождавшись момента, когда загорелись свечи, обратился к соратникам:

– Да, друзья мои, сегодня я ваш гость. Видя из сердца мира, как вы чтите мои заповеди, я обрадовался. Сегодняшняя ночь должна стать поворотной в цикле жизни, потому я сейчас с вами. Вы долго готовились к этому вечеру. В течение всей истории многие поколения посвящённых трудились в поте лица, не осознавая, правда, конечной цели своих трудов. Но сейчас, как в своё время открыл ворота мира перед вашими предками, я открою вам великую тайну, суть которой и представляет собою эту конечную цель; и также, как во все времена я дарил своим истинным друзьям мудрость мира, я подарю вам мудрость и смысл этой тайны.

В течение многих лет в великой Вселенной продолжается борьба между мною, которого в миру разнообразные глупцы называют Дьяволом, и тем, кого другие глупцы именуют Богом Святым. И те и другие почему-то создают в своём воображении границы между нами, изображая меня в виде чудовища с устрашающим ликом, а моего соперника – в виде благочестивого старца. Наступает решающий момент, когда следует появиться на свет моему сыну, коему предстоит стать единым царём на всей планете. Он будет человеком,

ибо лишь человеку дано довершить мои замыслы, но действовать он будет посредством моей воли. Он должен быть зачат именно в эту ночь, чтобы родиться в полночь с первого на второе мая. Для воплощения моей воли вами собрано достаточно сил и слуг, а каждая из собранных вами душ отдаст нам свою энергию; через них мы отнимем энергию у тех живых, которые пытаются избегать нас. Итак, соберите воедино вашу веру и я, победив, подарю вам весь мир. А теперь нужно подготовиться к ритуалу, друзья мои. Рассаживайтесь поудобнее... Молитесь мне и я дам вам свет!

Присутствующие, зачарованно внимавшие каждому слову своего повелителя, застыли на местах. Пламя свечей разгорелось ярче и теперь за столом стало светло, как днём; питаемое энергией ада, это пламя сверкало красноватыми и золотыми оттенками и слепило глаза.

– Введите сюда слабовольного графа фон Гогенштейна! – приказал Дьявол, но его спутники оставались на местах с таким видом, будто не слышали повеления.

Минутой позже за дверью послышались ровные шаги. Казалось, что это приближается статуя, вдруг ожившая благодаря сверхъестественному вмешательству, – настолько неестественно монотонно и твёрдо звучали шаги. Наверное, столь же неестественно совершала свои первые шаги Галатея, ожившая благодаря молитве Пигмалиона. Граф, хорошо знавший законы своего круга, никак не мог бы ступать столь бодро, как не сумел бы это делать и всякий иной человек,

осознающий, что сейчас ему предстоит сыграть главную роль в трагедии жертвоприношения. Взоры сидящих сосредоточились в центре стола, где находилась одинокая тринадцатая свеча. Она загорится в процессе обряда, питаемая энергией души самой жертвы. В этот момент чёрный стол словно ожил: из многочисленных пор старого дерева исходил неприятный мертвенный холодок. От сего дыхания, шедшего из мира мёртвых, из неведомых миров и времён, огненные языки заколебались.

Вошел старый граф. Жиденькие волосы, которые благодаря умению его личного цирюльника скрывали старческие залысины, встали дыбом, в глазах зияла противоестественная холодная муть, готовая, словно живое существо, поглотить в себя все пропасти человеческой глупости, тщеславия и самодурства; ноги сильно дрожали, как это происходит с людьми, внезапно взвалившими на свои хрупкие плечи непосильную ношу; изысканная одежда потеряла форму, обвисая со старческих плеч, словно жалкие лохмотья. Вид сего существа вполне соответствовал тому стереотипу поведения, который характерен для людей, лишённых разума и воли. Оказавшись в зале, фон Гогенштейн намертво прикипел взглядом к глазам Падшего Ангела, в полной власти которого находился, – эта власть была настолько сильна, что пребывая в бессознательном состоянии, он не посмел бы упасть на пол без его высочайшего позволения. Тот, в чьей воле оказалась душа этого несчастного, некоторое время взирал на сие

жалкое подобие человека, после чего спросил:

– Куда же подевалась твоя вера, раб мой?

– А её не было и быть не могло, – тоном зомби ответил тот.

– Почему же? – удивленно воскликнул главный судья.

Он спрашивал исключительно ради удовлетворения любопытства, хорошо зная, что без его желания никто из присутствующих не сможет ничего услышать. На протяжении истории Дьяволу приходилось слышать самые разные ответы на подобные вопросы, так что вполне можно сказать, что он знал их суть заблаговременно. Но всякий раз в подобных случаях он не мог себе позволить лишиться удовольствия слушать и вести себя, как единый верховный судья, ибо каждый новый ответ, – даже в тех случаях, когда полностью совпадал с сотнями предыдущих, – дышал новой индивидуальностью, а это уже само по себе чрезвычайно интересно. В такие минуты Дьявол чувствовал себя исследователем-первопроходцем, поскольку он общался с душой подопытного, получая от него информацию, полностью лишённую влияния плотской чувственности.

– Следуя всю жизнь за тобой, – отвечал Гогенштейн, – я преследовал исключительно познавательные, исследовательские цели. Я с готовностью исполнял ритуалы, постигая их суть, потому что жаждал знания и всестороннего возвышения над себе подобными. Веры в тебя и твою истинность у меня не было, потому что я верил только в себя и в мощь человеческого разума. Тем не менее, это не мешало мне опа-

саться последствий, ибо всякое зло наказуемо.

– Ну, и каковы могут быть последствия? – ухмыльнулся Солнцеликий. – Да и о каком зле ты говоришь? Разве я – зло?

– Ты – зло. Твои поступки – тоже зло. Ты – плод ошибки, ты – кровавой волдырь на теле Вселенной. Ты спрашиваешь о последствиях... Разве тебе не известно, что происходит со злокачественной опухолью? Её удаляют, если не могут вылечить. Долгие годы я следовал путём зла, но теперь, когда оно переполнило мою человеческую сущность и разъело её изнутри, я не выдержал. Наступил момент раскаяния.

Дьявол засмеялся, бесцеремонно прерывая допрашиваемого:

– Раскаяние? Неужто ты позабыл закон, который гласит: «Кто избрал путь, тот должен следовать вперёд и только вперёд, строго подчиняясь законам этого пути.» Всякое самовольство или попытка возвращения означают смерть. Не плотскую гибель, ибо плоть невинна, но уничтожение разума, страдания и гибель самой души. Раскаиваться позволено ребёнку, но уж никак не зрелому мужу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.